

UOT 34:343.1 Cinayət mühakimə icraatı S. 12-24

АЙХАН РУСТАМЗАДЕ

д.ю.н., профессор, декан факультета «Экономика и право»,
Национальной Авиационной Академии
ORCID ID: 0000-0002-9410-960X
E-mail: arustamzde@naa.edu.az

МАТАНАТ АСКЕРОВА

заведующая кафедрой уголовного процесса,
криминалистики и судебной экспертизы
Академии юстиции Министерства юстиции
Азербайджанской Республики,
советник юстиции, д.ю.н., доцент
ORCID ID: 0000-0003-1419-9519
E-mail: matanat.asgarova@justice.gov.az

ИЛЬХАМА ГАСАНОВА

преподаватель Национальной авиационной академии,
член Коллегии Адвокатов Азербайджана
ORCID ID: 0000-0002-6966-5495
e-mail: ilhamahasanova27@gmail.com
DOI: <https://doi.org/10.64498/AKVP8846>

АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Açar sözlər: vəkil araşdırması, müdafiə hüququ, müdafiəçi, vəkil sorğusu, sübutların toplanması

Ключевые слова: адвокатское расследование, право на защиту, защитник, адвокатский запрос, собрание доказательств

Keywords: defence investigation, right to defence, defence counsel, lawyer's request, collection of evidence

Anahtar kelimeler: avukat araştırması, savunma hakkı, müdafi, avukat talebi, delillerin toplanması.

Институт адвокатского расследования относится к числу наиболее дискуссионных явлений современной уголовно-процессуальной теории, поскольку затрагивает фундаментальный вопрос о распределении доказательственной власти в уголовном процессе. Проблема состоит не только в определении объема полномочий защитника, но и в более глубоком доктринальном вопросе: допускает ли современный уголовный процесс самостоятельную познавательную активность стороны защиты при формировании фактической основы дела.

Классическая публично-правовая модель уголовного судопроизводства исторически исходила из фактической монополии государства на производство доказательственной информации. Установление обстоятельств преступления рассматривалось преимущественно как функ-

ция публичной власти, реализуемая через деятельность органов расследования и суда. В рамках данной модели защита выполняла главным образом реактивную функцию, ограниченную критикой доказательств обвинения и юридическим оспариванием процессуальных решений.

Развитие состязательной модели постепенно изменило такой подход. Современная теория уголовного судопроизводства всё в большей степени исходит из того, что фактические обстоятельства дела устанавливаются не посредством односторонней деятельности государства, а в результате процессуального взаимодействия конкурирующих доказательственных версий, формируемых сторонами обвинения и защиты. В этой связи защита перестаёт быть пассивным участником процесса и приобретает самостоятельную эпистемологическую функцию в меха-

низме формирования доказательственной базы. По мнению Richard Vogler, *«Адвокат защиты всё в большей степени становится активным следователем, а не просто представителем стороны в судебном заседании»* [24, с. 192].

Именно в данном контексте следует рассматривать адвокатское расследование. Его сущность состоит не только в собирании отдельных сведений или подготовке линии защиты, но и в самостоятельном участии стороны защиты в формировании фактической основы уголовного дела. В функциональном смысле адвокатское расследование представляет собой форму защитительного доказывания, направленную на выявление оправдательных либо смягчающих обстоятельств, проверку достоверности доказательств обвинения, формирование альтернативной версии событий и создание разумного сомнения относительно версии обвинения.

1. Понятие и правовая природа адвокатского расследования

В юридической доктрине и адвокатской практике широко используется термин «адвокатское расследование». С точки зрения законодательной точности в национальном праве чаще применяется формула «собрание доказательств» или «собрание сведений» защитником. Однако данные категории не являются взаимоисключающими.

Адвокатское расследование можно определить как совокупность процессуальных и непроцессуальных действий защитника, направленных на выявление, получение, проверку, фиксацию, хранение, оценку и последующее представление сведений, имеющих значение для уголовного дела. Соглашаемся с Киселёвым П.П. в том, что имеется *«целостная конструкция адвокатского расследования, объединяющая четыре автономных элемента (собрание, хранение, оценка и представление доказательств)»* [16, с. 13].

К числу действий, связанных с собиранием сведений относятся получение документов и предметов на добровольной основе, направление адвокатских запросов, опрос лиц с их согласия, привлечение специалистов, инициирование экспертных исследований, фиксация сведений техническими средствами, подготовка ходатайств о приобщении полученных материалов к уголовному делу и об их проверке судом или органом расследования. При этом адвокатское расследование принципиально отличается

от публично-властного расследования тем, что защитник не обладает полномочиями принуждения и действует на основе добровольности, законности, конфиденциальности и профессиональной независимости.

В доктрине отсутствует единый подход к вопросу о доказательственной природе результатов адвокатского расследования. Согласно первой концепции, защитник не является самостоятельным субъектом собирания доказательств в строгом процессуальном смысле, поскольку доказательства возникают лишь после их процессуального признания органом расследования или судом. Например, С.А. Деханов считает, что *«адвокат собирает не доказательства, а “фактический материал, обладающий свойством относимости, а затем представляет его лицу, ведущему производство по делу, для получения свойства допустимости”»* [8, с. 40]. Данная позиция исходит из традиционного понимания публично-правовой природы уголовного преследования и исключительной прерогативы государства осуществлять принудительное собирание доказательств.

Противоположная концепция исходит из того, что защита является самостоятельным субъектом доказательственной деятельности. Сторонники данного подхода подчёркивают, что различие между обвинением и защитой заключается не в самой способности собирать доказательства, а в способах, пределах и процессуальной форме реализации соответствующих полномочий. Ткачева Н.В. отмечает, что *«законодатель выделяет в отдельную группу тех участников уголовного судопроизводства, которые вправе представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, а остальные участники вправе собирать доказательства..., отличие заключается только в способе, то есть пути собирания. А пути законом строго регламентированы»* [20, с. 44].

По мнению Rodney J. Uphoff даже если обвиняемый ясно выражает желание признать свою вину, адвокат всё равно обязан провести соответствующее расследование, обязан тщательно оценить обстоятельства и перспективы дела, прежде чем даже рассматривать отказ от варианта судебного разбирательства [23, с.95].

Представляется, что спор о правовой природе адвокатского расследования отражает более фундаментальную дискуссию о природе состоя-

зательного уголовного процесса. Если состязательность понимать исключительно как процессуальное противостояние сторон, роль защиты фактически ограничивается критическим оспариванием обвинительной версии. Однако если состязательный процесс рассматривать как механизм познавательной проверки конкурирующих версий фактических обстоятельств дела, то защита неизбежно приобретает статус самостоятельного участника доказательственной деятельности.

Правовая природа адвокатского расследования является двойственной. В материально-правовом аспекте оно выступает формой реализации конституционного права на защиту. В процессуальном аспекте оно представляет собой участие стороны защиты в формировании и проверке доказательственной базы. Его основными признаками являются инициативность защиты, отсутствие публично-властного характера, добровольность получения сведений, направленность на формирование альтернативной доказательственной позиции и необходимость последующей процессуальной интеграции результатов в уголовное судопроизводство.

2. Адвокатское расследование и эпистемологический баланс уголовного процесса

Современный уголовный процесс не может быть сведен только к формальной последовательности процессуальных действий. Он одновременно является механизмом познания фактических обстоятельств и институциональной процедурой ограничения государственной власти. Поэтому вопрос об адвокатском расследовании затрагивает не только технический объём прав защитника, но и качество судебного познания.

Традиционная континентальная модель уголовного судопроизводства длительное время исходила из концепции объективной истины, согласно которой государство через следователя, прокурора и суд обладает институциональной обязанностью установления полной картины произошедшего. В такой модели защита играла скорее корректирующую роль, указывая на ошибки обвинения, но не участвуя полноценно в формировании доказательственной базы. Однако современная состязательная процедура всё чаще рассматривается не только как процессуальная форма, но и как познавательный механизм повышения достоверности фактических выводов.

М. Таруффо анализирует логическую структуру доказательственных умозаключений, рассматривая доказательства как основание рационального судебного решения. Особое значение он придаёт инференциальной модели Тулмина, позволяющей объяснить, каким образом сложные цепочки выводов используются судом при установлении фактических обстоятельств дела [19, с. 187]. Toulmin S.E. считает, что «Умозаключения, обоснованные «законами», будут иметь одну структуру, а выводы, зависящие скорее от простых эмпирических корреляций, — несколько иную. Там, где обнаруживаются различия такого рода, мы обычно должны их уважать. Мы вправе пытаться придумывать новые и лучшие способы аргументации в той области, которая нас особенно интересует; но нам следует остерегаться вывода, будто существует такая область, в которой все аргументы одинаково недействительны» [21, с. 236].

Из этого следует, что ограничение возможностей одной из сторон участвовать в формировании доказательственной базы неизбежно влияет на качество процесса установления фактов. В таком понимании адвокатское расследование является не только тактической активностью защиты, но и механизмом её эпистемологического участия в формировании фактической основы дела.

Особое значение данная проблема приобретает в условиях структурного превосходства обвинения. Органы уголовного преследования обладают публично-властными полномочиями, возможностью применения процессуального принуждения, доступом к государственным информационным ресурсам, механизмами оперативно-розыскной деятельности и институциональной поддержкой экспертных структур. Защита такими полномочиями не располагает. Следовательно, даже теоретически полное равенство доказательственных возможностей сторон невозможно. Именно поэтому необходимы компенсаторные процессуальные механизмы, к числу которых относятся адвокатское расследование, адвокатский запрос, доступ к материалам обвинения, инициирование следственных действий, представление альтернативных экспертных заключений и судебный контроль за отказом в удовлетворении ходатайств защиты.

Richard D. Friedman справедливо указывал, что состязательная процедура рассматривается как механизм проверки достоверности до-

казательственной информации посредством её представления и критического оспаривания сторонами. Поэтому ограничение возможностей защиты по самостоятельному участию в производстве и исследовании доказательств способно снижать эпистемическую надежность уголовного судопроизводства [11, с. 56].

Mirjan Damaška проблему уголовного процесса раскрывает через соотношение поиска истины и институциональной власти. Чем выше концентрация доказательственной власти в руках государства, тем выше риск одностороннего формирования фактического нарратива [7]. В таком контексте адвокатское расследование выполняет одновременно защитительную, познавательную, контрольную и институционально-балансирующую функции.

John Jackson отмечал, что *«если состязательный процесс рассматривается как познавательный механизм справедливого установления фактических обстоятельств дела, то эффективное участие защиты в формировании доказательственной информации становится необходимым условием процессуальной легитимности»* [14, с. 17].

Следовательно, адвокатское расследование участвует не только в процессуальном споре, но и в формировании разумного сомнения. Такое сомнение возникает не исключительно вследствие слабости обвинения, но и вследствие активной доказательственной деятельности защиты, способной выявить альтернативные версии событий, внутренние противоречия доказательств обвинения, нарушения процедуры собирания доказательств, оправдательные либо смягчающие обстоятельства, а также неполноту предварительного расследования.

3. Европейские стандарты эффективной защиты

Практика Европейского суда по правам человека имеет принципиальное значение для оценки адвокатского расследования, поскольку статья 6 Европейской конвенции требует не формального, а реального осуществления прав защиты. Ключевой подход Суда состоит в оценке справедливости разбирательства в целом, включая равенство процессуальных возможностей, возможность оспорить доказательства обвинения и реальный характер участия защитника.

В деле Murtazaliyeva v. Russia Суд сформулировал трёхступенчатый тест применительно

к отказу в допросе свидетеля защиты: было ли ходатайство достаточно мотивированным и относимым к предмету обвинения; рассмотрели ли национальные суды значимость показаний и дали ли достаточные мотивы отказа; подорвал ли отказ общую справедливость производства [17, § 158]. *«Конечным критерием остаётся оценка справедливости производства в целом»* [17, § 168].

Данный подход важен не только для вопроса о вызове свидетеля. Он применим и к адвокатскому расследованию в целом: если материалы защиты не исследуются, ходатайства об их приобщении отклоняются формально, а отказ в получении информации не подлежит эффективно-му контролю, процессуальное равенство сторон становится декларативным.

В деле Artico v. Italy Европейский суд подчеркнул, что Конвенция гарантирует не права, которые являются *“theoretical or illusory”*, а права, которые являются *“practical and effective”*, особенно когда речь идёт о правах защиты в справедливом судебном разбирательстве [3, § 33]. В деле Dvorski v. Croatia Суд вновь указал, что Конвенция предназначена для гарантирования прав, являющихся *“practical and effective and not theoretical and illusory”*, и что при определении конвенционных прав необходимо смотреть за внешние формы и учитывать реальные обстоятельства ситуации [9, § 82].

Следовательно, адвокатское расследование должно рассматриваться не как факультативное дополнение к деятельности защитника, а как одно из условий реальной эффективности права на защиту. Ограничение познавательной автономии стороны защиты способно привести к ситуации, при которой состязательность сохраняется лишь как внешняя процессуальная форма, тогда как фактическое формирование доказательственной базы продолжает оставаться под институциональным контролем обвинения.

4. Англо-американская и континентальные модели

Наиболее последовательно идея доказательственной автономии защиты реализована в англо-американской модели уголовного судопроизводства. В данной традиции уголовный процесс понимается как состязательное противостояние сторон, в котором обвинение и защита самостоятельно формируют доказательственные версии, а суд сохраняет положение нейтрального арбитра.

В деле Strickland v. Washington Верховный суд США указал: «Функция защитника

... состоит в том, чтобы обеспечить ответственность состязательной проверки в конкретном деле» [18, § 668, 690]. В этом же решении Суд сформулировал следственную обязанность защитника: «Защитник обязан провести разумное расследование либо принять разумное решение о том, что проведение определённых расследовательских действий не является необходимым» [18, § 668, 691].

Профессиональные стандарты адвокатской деятельности развивают данный подход. Согласно Стандарту 4-4.1(а) Американской ассоциации юристов, защитник должен незамедлительно расследовать обстоятельства дела и изучить направления, ведущие к установлению фактов, имеющих значение для существа дела и для назначения наказания. Обязанность расследования существует независимо от признаний обвиняемого, сообщений обвиняемого защитнику о фактах, составляющих вину, а также независимо от выраженного обвиняемым желания признать себя виновным [1].

Особое значение имеет доктрина Brady, сформулированная Верховным судом США в деле Brady v. Maryland. Суд указал, что «Скрытие обвинением по запросу доказательств, благоприятных для обвиняемого, нарушает надлежащую правовую процедуру, если эти доказательства являются существенными для вопроса о виновности либо наказании» [5, §83, 87].

В деле Giglio v. United States Суд указал, что «Достоверность показаний конкретного свидетеля вполне может иметь решающее значение для вывода о виновности или невиновности» [13, §150, 154].

Даже в развитых состязательных системах проблема структурного неравенства сторон полностью не устраняется. В деле Ake v. Oklahoma Верховный суд США признал, что при определённых условиях государство должно обеспечить обвиняемому доступ к компетентному эксперту. Суд указал, что «Сам по себе доступ к дверям суда ... не обеспечивает надлежащего функционирования состязательного процесса» [2, § 68, 77].

Таким образом, англо-американская модель демонстрирует, что адвокатское расследование является не привилегией защиты, а условием реального функционирования состязательного процесса. При этом даже данная модель требует

компенсаторных механизмов, поскольку материальное равенство сторон не возникает автоматически.

Германская уголовно-процессуальная система представляет особый доктринальный интерес, поскольку сочетает следственную основу уголовного процесса с постепенно усиливающимся участием стороны защиты в формировании доказательственной базы. Традиционно немецкая модель основывается на принципе обязанности суда самостоятельно исследовать обстоятельства дела [12, § 244 Abs. 2]. Именно поэтому германская доктрина исторически в меньшей степени зависела от автономного расследования защиты, чем англо-американские состязательные системы. Однако современная немецкая модель не исключает активного участия защиты в доказывании. Напротив, УПК предусматривает ряд процессуальных механизмов, позволяющих стороне защиты влиять на объём и направление судебного исследования доказательств. Доказательственное ходатайство имеется тогда, когда заявитель серьёзно требует исследовать доказательство относительно конкретно утверждаемого факта, относящегося к вопросу виновности или правовых последствий [12, § 244 Abs. 3]. Таким образом, германская модель не признаёт адвокатское расследование как самостоятельный институт в англо-американском смысле. Однако она содержит развитую систему компенсаторных процессуальных гарантий/

Французская уголовно-процессуальная система исторически основывалась на сильной модели следственного судьи, который традиционно выступает как судебный орган расследования, обязанный учитывать не только обвинительные, но и оправдательные обстоятельства ст. 81 УПК. Именно такая структура частично снижала необходимость самостоятельного адвокатского расследования в англо-американском смысле. Однако современная французская модель постепенно усиливает процессуальные возможности защиты. Ст 82-1 УПК предусматривает, что стороны в ходе предварительного расследования могут обратиться к следственному судье о проведении их допроса, допроса свидетеля, очной ставки, выезда на место, истребования документа либо иных действий, необходимых для установления истины. Если следственный судья не намерен удовлетворить такое ходатайство, он обязан вынести мотиви-

рованное постановление в месячный срок [6]. Следовательно, французская модель не формирует автономное адвокатское расследование в том смысле, в каком оно существует в англо-американской состязательной традиции. Защита во Франции действует преимущественно через процессуально опосредованные механизмы. Поэтому французскую систему можно охарактеризовать как модель судебно-опосредованное участие защиты, т.е. участие защиты в формировании доказательственной базы остаётся институционально зависимым от следственного судьи и судебного контроля.

Опыт данных правовых порядков показывает, что адвокатское расследование может развиваться в разных институциональных формах. В англо-американской модели оно является выражением автономии сторон, в германской — дополняется активной ролью суда, во французской — реализуется через механизм судебного контроля за следствием. Для Азербайджана наиболее перспективной представляется смешанная модель, при которой самостоятельная активность защиты сочетается с чёткой процессуальной формой, обязанностью мотивированной оценки материалов защиты и возможностью судебного контроля за отказом в их приобщении или истребовании.

5. Адвокатское расследование в уголовном процессе Азербайджанской Республики

Азербайджанская модель формально допускает активную позицию защиты. Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет право защитника участвовать в уголовном процессе, заявлять ходатайства, представлять доказательства, знакомиться с материалами дела, участвовать в следственных действиях в установленных законом случаях и собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи. Статья 143.3 УПК Азербайджанской Республики предусматривает право защитника представлять доказательства и собирать сведения для оказания юридической помощи.

Закон Азербайджанской Республики «Об адвокатах и адвокатской деятельности» также закрепляет самостоятельный характер адвокатской деятельности, право адвоката собирать документы, получать необходимые сведения, направлять запросы и защищать права доверителя. В результате законодательных изменений 2025 года в Закон введены положения об адвокатском ордере и адвокатском запросе. Согласно статье

15-2, адвокатский запрос является письменным обращением адвоката, направленным для получения сведений и документов, необходимых для оказания профессиональной юридической помощи.

Указанные изменения имеют важное значение, поскольку институционально усиливают адвокатский запрос и приближают национальную модель к требованиям эффективной защиты. Вместе с тем проблема адвокатского расследования не исчерпывается самим правом направить запрос. Для уголовного судопроизводства принципиально важно определить, каким образом защитник фиксирует полученные сведения, как они представляются органу расследования или суду, по каким основаниям в приобщении может быть отказано и каким образом такой отказ обжалуется.

В настоящее время сохраняются несколько проблем. Во-первых, отсутствует детальная процедура адвокатского опроса. Во-вторых, не унифицированы требования к форме фиксации сведений, полученных защитником. В-третьих, отказ в предоставлении информации по адвокатскому запросу не всегда сопровождается эффективным судебным контролем. В-четвёртых, материалы защиты на практике могут восприниматься как вспомогательные документы, а не как элементы доказательственной базы, подлежащие проверке по общим критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. В-пятых, не до конца определён порядок использования технической фиксации, электронных документов и альтернативных экспертных заключений, полученных по инициативе защиты.

Следовательно, азербайджанская модель нуждается не в механическом расширении полномочий адвоката до уровня публичного расследования, а в нормативной конкретизации процессуальной формы адвокатского расследования. Защита не должна получать властно-принудительные полномочия, характерные для следователя. Однако она должна обладать достаточными процессуальными возможностями для самостоятельного сбора и представления сведений, способных повлиять на оценку обвинения и на формирование разумного сомнения.

6. Пределы полномочий адвоката при собирании сведений и их доказательственное значение

Пределы адвокатского расследования определяются его правовой природой. Защитник

вправе запрашивать документы при наличии законных оснований, получать предметы и материалы добровольно, опрашивать лиц с их согласия, привлекать специалистов и экспертов, фиксировать сведения техническими средствами, инициировать ходатайства о проведении следственных действий и представлять полученные материалы органу расследования или суду.

В то же время адвокат не вправе применять меры принуждения, проводить следственные действия в публично-властном смысле, осуществлять обыск, выемку, принудительный допрос, вмешиваться в оперативно-розыскную деятельность, получать доступ к охраняемым законом сведениям вне установленной процедуры, нарушать неприкосновенность частной жизни, оказывать давление на лиц, склонять их к даче ложных объяснений или препятствовать доступу органов расследования к доказательствам.

Именно добровольность и отсутствие принуждения отличают адвокатское расследование от деятельности органов предварительного расследования. Поэтому законодательная регламентация должна строиться не по модели «параллельного следствия», а по модели процессуально гарантированной защитительной проверки. Такая модель должна обеспечивать три цели: законность получения сведений, доказательственную устойчивость материалов защиты и судебный контроль за необоснованным ограничением активности защитника.

Полученные защитником материалы не должны автоматически признаваться доказательствами только по факту их представления. Однако они не должны и априорно оцениваться ниже доказательств обвинения только потому, что получены стороной защиты. Их процессуальная судьба должна определяться общими критериями относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Суд вправе признать представленные защитой материалы допустимыми, назначить дополнительную или повторную экспертизу, вызвать и допросить лиц, ранее опрошенных адвокатом, исследовать документы, проверить источник их происхождения, оценить способ фиксации и сопоставить их с иными доказательствами. Ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы. Это положение должно в равной мере распространяться и на материалы, полу-

ченные стороной защиты.

Существенное значение имеет процессуальная форма фиксации результатов адвокатского расследования. Отсутствие единых стандартов документирования снижает их доказательственную устойчивость. Поэтому необходимы требования к протоколу адвокатского опроса, к фиксации согласия опрашиваемого лица, к указанию времени, места, участников, технических средств, приложений и подписей. При наличии таких требований суду будет проще оценивать материалы защиты не как неформальные объяснения, а как проверяемый процессуальный источник информации. Аскерова М.П. и Гасанова И.З. считают, что *“Получение объяснения у лиц защитником с их согласия, а также использование сведений, полученных в ходе такого опроса, остаются вне сферы нормативного регулирования. Это, в свою очередь, создаёт проблемы при признании судами таких результатов самостоятельными доказательствами и нарушает принцип состязательности уголовного судопроизводства”* [4, с.4014]

Адвокатское расследование является не вспомогательным элементом адвокатской деятельности, а структурным компонентом реализации права на защиту в современном уголовном процессе. Его значение определяется необходимостью обеспечения реального баланса сторон, минимизации процессуального риска, повышения достоверности судебного познания и укрепления стандарта справедливого судебного разбирательства.

Сравнительный анализ показывает, что в разных правовых порядках адвокатское расследование развивается через различные институциональные механизмы: автономию сторон, активную роль суда, судебный контроль за следствием, профессиональные стандарты защиты и обязанность раскрытия благоприятных для обвиняемого сведений. Общим для этих моделей является признание того, что защита не может быть сведена к пассивному отрицанию обвинения.

Азербайджанская модель содержит важные предпосылки для развития адвокатского расследования, включая право защитника собирать сведения и обновлённое законодательное регулирование адвокатского запроса. Однако для превращения этих прав в реальный инструмент защиты необходимы дальнейшая процессуальная конкретизация, установление формы адвокатского опроса, обязанность мотивированной

оценки материалов защиты, судебный контроль за отказом в предоставлении информации и единые стандарты фиксации материалов адвокатского расследования.

Таким образом, нормативное развитие данного института должно быть направлено на повышение его процессуальной определённости, доказательственной устойчивости и интеграции в систему гарантий справедливого правосудия. Именно такой подход позволяет рассматривать адвокатское расследование как средство не только защиты конкретного лица, но и институционального укрепления состязательной модели уголовного судопроизводства.

Нормативное развитие института адвокатского расследования целесообразно осуществлять не путём предоставления адвокату принудительных полномочий, а через конкретизацию уже существующих прав защиты. Предлагаемые изменения должны быть направлены на укрепление процессуальной формы, обеспечение мотивированной оценки материалов защиты и введение эффективного судебного контроля.

Первое направление — дополнение УПК Азербайджанской Республики специальной нормой об адвокатском расследовании. Целесообразно включить в главу о доказывании новую статью 143-1 следующего содержания:

Статья 143-1. Собираение и фиксация сведений защитником

143-1.1. Защитник в целях оказания юридической помощи подозреваемому, обвиняемому или иному представляемому лицу вправе осуществлять соби́рание сведений, имеющих значение для уголовного дела, путём получения документов и предметов на добровольной основе, направления адвокатских запросов, получения письменных объяснений лиц с их согласия, привлечения специалистов и экспертов, фиксации сведений техническими средствами, а также иными не запрещёнными законом способами.

143-1.2. Получение объяснения лицом защитником допускается только при добровольном согласии такого лица. До начала опроса защитник обязан разъяснить лицу цель опроса, право отказаться от дачи объяснения или прекратить его в любой момент, а также недопустимость сообщения заведомо ложных сведений. Эти обстоятельства отражаются в протоколе адвокатского опроса.

143-1.3. Протокол адвокатского опроса должен содержать дату, время и место его про-

ведения; сведения о защитнике и документе, подтверждающем его полномочия; сведения об опрошенном лице; отметку о добровольном согласии; содержание вопросов и ответов либо свободного объяснения; сведения о применённых технических средствах фиксации; перечень приложений; подписи защитника и опрошенного лица.

143-1.4. Материалы, полученные защитником в установленном законом порядке, подлежат приобщению к материалам уголовного дела или исследованию судом по мотивированному ходатайству стороны защиты, если они относятся к обстоятельствам, имеющим значение для дела. Отказ в приобщении либо исследовании таких материалов не может быть основан исключительно на том, что они получены не органом, осуществляющим уголовный процесс.

143-1.5. Отказ органа, осуществляющего уголовный процесс, в приобщении материалов адвокатского расследования, в вызове лица, опрошенного защитником, либо в проверке представленных сведений должен быть мотивирован и может быть обжалован в судебном порядке.

143-1.6. При осуществлении адвокатского расследования защитник не вправе применять принуждение, вводить лиц в заблуждение относительно своего процессуального статуса, нарушать права и свободы граждан, получать сведения, составляющие охраняемую законом тайну, вне установленного законом порядка, а также совершать действия, направленные на сокрытие, уничтожение или искажение доказательств.

Второе направление — уточнение статьи 92.9 УПК Азербайджанской Республики, закрепляющей права защитника. Соответствующий пункт данной статьи целесообразно изложить в следующей редакции:

Защитник вправе в целях осуществления защиты собирать и представлять сведения, документы, предметы и иные материалы, имеющие значение для уголовного дела, получать письменные объяснения лиц с их добровольного согласия, привлекать специалиста и эксперта на договорной основе, заявлять ходатайства о проверке и приобщении таких материалов, а также требовать вынесения мотивированного решения по каждому отказу в их приобщении или исследовании.

Третье направление — развитие статьи 15-2 Закона Азербайджанской Республики «Об адвокатах и адвокатской деятельности» об адвокатском запросе. С учётом уже закреплённого понятия адвокатского запроса, сроков ответа и требований к приложению ордера целесообразно дополнить статью нормами следующего содержания:

Отказ в предоставлении сведений или документов по адвокатскому запросу допускается только по основаниям, прямо предусмотренным законом, и должен быть оформлен в письменной форме с указанием конкретной нормы закона, препятствующей предоставлению запрашиваемой информации.

Непредоставление ответа на адвокатский запрос, необоснованный отказ в предоставлении сведений или нарушение установленного срока ответа могут быть обжалованы адвокатом в суд либо в ином установленном законом порядке. Подача жалобы не исключает привлечения виновных лиц к ответственности, предусмотренной законодательством.

Сведения и документы, предоставленные по адвокатскому запросу, могут быть представлены защитником органу, осуществляющему уголовный процесс, или суду и подлежат оценке по общим правилам относимости, допустимости и достоверности.

Четвёртое направление — закрепление единых стандартов оценки материалов защиты. В статью 145.1 УПК Азербайджанской Республики целесообразно включить вторую часть о том, что «Материалы, представленные стороной защиты, оцениваются по тем же критериям, что и материалы обвинения, а их происхождение от стороны защиты само по себе не является основанием для отказа в исследовании или снижения доказательственной силы».

Пятое направление — установление специального судебного контроля за ограничением активности защиты. В нормы о ходатайствах и жалобах целесообразно включить правило, согласно которому отказ в удовлетворении хо-

датайства защиты о приобщении материалов адвокатского расследования, вызове лица, опрошенного защитником, назначении экспертизы или истребовании документа должен содержать анализ относимости и потенциального значения запрашиваемого действия для позиции защиты. Формальный отказ без оценки значения материала для защиты должен рассматриваться как процессуальный риск нарушения права на справедливое судебное разбирательство.

Шестое направление — принятие подзаконного акта или руководящих правил Президиума Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики о стандартах адвокатского расследования. Такой документ мог бы определить формы протокола адвокатского опроса, правила хранения полученных материалов, порядок технической фиксации, требования к соблюдению адвокатской тайны, порядок взаимодействия со специалистами и экспертами, а также этические ограничения при получении сведений.

Предлагаемые изменения не нарушают публично-правовую природу уголовного преследования и не превращают адвоката в альтернативного следователя. Их назначение состоит в ином: обеспечить процессуальную определённость защитительной доказательственной активности. Нормативная конкретизация адвокатского расследования позволит повысить качество фиксации сведений, уменьшить произвольность при отказе в приобщении материалов защиты, укрепить доверие к состязательной модели и снизить риск судебной ошибки.

Кроме того, данные изменения будут соответствовать европейскому стандарту практической и эффективной защиты. Если право защитника собирать сведения остаётся без процедуры фиксации, без механизма мотивированной оценки и без судебного контроля, оно рискует стать теоретическим и иллюзорным. Напротив, наличие ясной процессуальной формы делает адвокатское расследование полноценным компенсаторным механизмом, направленным на реальное равенство сторон.

Литература и источники

1. ABA Standards for Criminal Justice: Prosecution and Defense Function, 3rd ed. (1993), Standard 4-4.1(a). URL: https://ms.fd.org/sites/ms/files/cja-resources/ABASStandardsfortheDefenseFunction%281%29_4.pdf

2. Ake v. Oklahoma, 470 U.S. 68 (1985). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/470/68/>

3. Artico v. Italy, no. 6694/74, ECHR, Judgment of 13 May 1980. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

eng#{"%22itemid%22:[%22001-57424%22]}

4. Asgarova, M.P., Hasanova I.Z. Participation of a Defence Lawyer in the Conduct of Investigative Actions to Collect Evidence // Path of Science: International Electronic Scientific Journal, – 2025. Vol. 11. No 10, –p.4007-4015.

URL: <https://pathofscience.org/index.php/ps/article/view/3734>

5. Brady v. Maryland, 373 U.S. 83 (1963). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/373/83/>

6. Code of Penal Procedure, France (Code de procédure pénale). URL: <https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/fr/document/lc/C-25.1?langCont=en&cible=>

7. Damaška, M.R. The Faces of Justice and State Authority: A Comparative Approach to the Legal Process. –New Haven, London: Yale University Press, – 1986. –335 p.

8. Деханов, С.А. Адвокатское расследование // –Уфа: Евразийская адвокатура, –2024. № 3 (68), – с. 38–46.

9. Dvorski v. Croatia [GC], no. 25703/11, ECHR, Judgment of 20 October 2015. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{"%22itemid%22:\[%22001-158266%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{)

10. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols>

11. Friedman, R.D. Truth and Its Rivals in the Law of Hearsay and Confrontation // Hastings Law Journal, –1998. Vol. 49. Issue 3, –p. 545–564.

12. German Code of Criminal Procedure (Strafprozeßordnung – StPO). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stpo/index.html

13. Giglio v. United States, 405 U.S. 150 (1972).

URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/405/150/>

14. Jackson, J.D. Finding the Best Epistemic Fit for International Criminal Tribunals: Beyond the Adversarial-Inquisitorial Dichotomy // Journal of International Criminal Justice, –2009. Vol. 7. Issue 1, –p. 17–39. DOI: 10.1093/jicj/mqp008.

15. Закон Азербайджанской Республики «Об адвокатах и адвокатской деятельности» от 28 декабря 1999 года № 783-IQ.

URL: https://continentonline.com/Document/?doc_id=30608603

16. Киселёв, П.П. Адвокатское расследование: правовые и организационные аспекты:/ автореф. дис. ... канд. юрид. наук. /–Нижний Новгород, 2018. – 36 с.

17. Murtazaliyeva v. Russia [GC], no. 36658/05, ECHR, Judgment of 18 December 2018. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"%22itemid%22:\[%22001-187932%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{)

18. Strickland v. Washington, 466 U.S. 668 (1984). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/466/668/>

19. Taruffo, M. Inferences in Judicial Decisions About Facts // Revista Ítalo-Española de Derecho Procesal, – 2018. Vol. 1, –p. 187–198.

20. Ткачева, Н.В. Защитник в производстве суда первой инстанции // – Екатеринбург: Вестник Уральского юридического института МВД России, – 2022. № 4, – с. 39–46.

21. Toulmin, E.S. The Uses of Argument. Updated Edition. University of Southern California. – Edinburgh: Cambridge University Press, – 2003. –259 s.

22. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики, утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14.06.2000 июля 2000., № 907-IQ). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280#pos=6;-145

23. Uphoff R.J. The Criminal Defense Lawyer as Effective Negotiator: A Systemic Approach // Clinical Law Review, – 1995. Vol. 2, – p. 73–135.

24. Vogler, R. A World View of Criminal Justice. –Aldershot: Ashgate, – 2005. –330 p.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена комплексному исследованию адвокатского расследования в уголовном судопроизводстве как важного механизма реализации права на защиту и обеспечения реального про-

цессуального баланса между сторонами. В работе рассматриваются понятие, правовая природа и пределы адвокатского расследования, его отличие от публично-властной деятельности органов предварительного расследования, а также роль в формировании альтернативной доказательственной позиции защиты. Особое внимание уделяется стандартам Европейского суда по правам человека, связанным с практическим и эффективным осуществлением права на защиту, равенством сторон и мотивированной оценкой материалов, представленных защитой. В сравнительно-правовом аспекте анализируются англо-американская, германская и французская модели участия защиты в формировании доказательственной базы. Применительно к уголовному процессу Азербайджанской Республики обосновывается необходимость нормативной конкретизации адвокатского запроса, адвокатского опроса, процессуальной фиксации материалов защиты и судебного контроля. В результате формулируются законодательные предложения, направленные на повышение процессуальной определенности, укрепление доказательственной устойчивости материалов защиты и обеспечение практической эффективности права на справедливое судебное разбирательство.

CİNAYƏT MÜHAKİMƏ İCRAATINDA VƏKİL ARAŞDIRMASI

AYXAN RÜSTƏMZADƏ

h.e.d., professor;

Milli Aviasiya Akademiyasının

“İqtisadiyyat və hüquq” fakültəsinin dekanı

MƏTANƏT ƏSGƏROVA

h.e.d., dosent, Azərbaycan Respublikası

Ədliyyə Nazirliyi Ədliyyə Akademiyasının

Cinayət prosesi, kriminalistika

və məhkəmə ekspertizası kafedrasının müdiri,

ədliyyə müşaviri

İLHAMƏ HƏSƏNOVA

Milli Aviasiya Akademiyasının müəllimi,

Azərbaycan Vəkillər Kollegiyasının üzvü

XÜLASƏ

Məqalə cinayət mühakimə icraatında vəkil araşdırmasının müdafiə hüququnun həyata keçirilməsi və tərəflərin real prosessual balansının təmin edilməsi baxımından əhəmiyyətinin kompleks tədqiqinə həsr olunmuşdur. İşdə vəkil araşdırmasının anlayışı, hüquqi təbiəti, həddləri, ibtidai araşdırma orqanlarının publik-hakimiyyət fəaliyyəti ilə fərqi və müdafiə tərəfinin alternativ sübut mövqeyinin formalaşdırılmasındakı rolu araşdırılır. Xüsusi diqqət Avropa İnsan Hüquqları Məhkəməsinin müdafiə hüququnun praktik və səmərəli həyata keçirilməsi, tərəflərin bərabərliyi və müdafiə materiallarının əsaslandırılmış qiymətləndirilməsi ilə bağlı standartlarına yönəldilir. Müqayisəli aspektdə ingilis-amerikan, alman və fransız modelləri təhlil olunur. Azərbaycan Respublikasının cinayət prosesi üçün vəkil sorğusu, vəkil sorğu-sualı, müdafiə materiallarının prosessual rəsmiləşdirilməsi və məhkəmə nəzarəti məsələlərinin normativ konkretləşdirilməsinin zəruriliyi əsaslandırılır. Nəticədə vəkil araşdırmasının prosessual müəyyənliyinin artırılması, müdafiə materiallarının sübut dayanıqlığının gücləndirilməsi və ədalətli məhkəmə araşdırması hüququnun real təminatı üçün qanunvericilik təklifləri irəli sürülür.

DEFENCE INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

AYKHAN RUSTAMZADE

*Doctor of Legal Sciences, Professor,
Dean of the Faculty of Economics and Law,
National Aviation Academy*

MATANAT ASGAROVA

*Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Procedure,
Criminalistics and Forensic Examination of the
Academy of Justice of the Ministry of Justice of the
Republic of Azerbaijan, Justice Advisor,*

İLHAMA HASANOVA

*Lecturer at the National Aviation Academy,
member of the Azerbaijani Bar Association*

SUMMARY

The article provides a comprehensive study of defence investigation in criminal proceedings as an important mechanism for implementing the right to defence and ensuring a real procedural balance between the parties. It examines the concept, legal nature and limits of defence investigation, its distinction from the public-authority activities of preliminary investigation bodies, and its role in forming an alternative evidentiary position of the defence. Special attention is paid to the standards of the European Court of Human Rights concerning the practical and effective exercise of defence rights, equality of arms and the reasoned assessment of materials submitted by the defence. From a comparative perspective, the article analyses the Anglo-American, German and French models of defence participation in the formation of the evidentiary basis. With regard to the criminal procedure of the Republic of Azerbaijan, the need for normative clarification of the lawyer's request, defence questioning, procedural recording of defence materials and judicial control is substantiated. The article concludes with legislative proposals aimed at increasing procedural certainty, strengthening the evidentiary reliability of defence materials and ensuring the practical effectiveness of the right to a fair trial.

CEZA MUHAKEMESİNDE AVUKAT ARAŞTIRMASI

AYHAN RÜSTEMZADE

*Hukuk bilimleri doktoru,
profesör, Milli Havacılık Akademisi
“Ekonomi ve Hukuk” fakültesi dekanı*

MATANAT ASKEROVA

*hukuk bilimleri doktoru, doçent,
Azerbaycan Cumhuriyeti Adalet Bakanlığı
Adalet Akademisi Ceza Muhakemesi,
Kriminalistik ve Adli Ekspertiz Bölümü Başkanı,
adliye müşaviri,*

İLHAME HASANOVA

*Milli Havacılık Akademisi öğretim görevlisi,
Azerbaycan Cumhuriyeti Barolar Birliği üyesi*

ÖZET

Makale, ceza muhakemesində avukat araşdırmasının savunma hakkının gerçəkləşdirilməsi və tərəflər arasında gerçək usulî dengenin sağlanması bakımından önemini kapsamlı biçimde incelemektedir. Çalışmada avukat araştırmasının kavramı, hukuki niteliği, sınırları, ön soruşturma makamlarının kamu gücüne dayalı faaliyetlerinden farkı ve savunma tarafının alternatif delil pozisyonunun oluşturulmasındaki rolü ele alınmaktadır. Avrupa İnsan Hakları Mahkemesinin savunma hakkının pratik ve etkili biçimde kullanılması, silahların eşitliği ve savunma tarafından sunulan materyallerin gerekçeli olarak değerlendirilmesine ilişkin standartlarına özel önem verilmektedir. Karşılaştırmalı açıdan Anglo-Amerikan, Alman ve Fransız modelleri incelenmektedir. Azerbaycan Cumhuriyeti ceza muhakemesi bakımından avukat talebi, avukat görüşmesi, savunma materyallerinin usulî biçimde tespiti ve yargısal denetim konularının normatif olarak somutlaştırılması gerekliliği gerekçelendirilmektedir. Sonuç olarak, usulî belirliliğin artırılması, savunma materyallerinin delil değerinin güçlendirilmesi ve adil yargılanma hakkının pratik etkinliğinin sağlanması amacıyla mevzuat önerileri ileri sürülmektedir.

Təqdim edən: M. Əsgərova

Daxil olma tarixi: 02.05.2026

Təkrar işlənmə tarixi: göndərilməyib.

Çapa imzalanma tarixi: 12.05.2026